

НОВАЯ ЭКОНОМИКА

№5-6

ноябрь-декабрь

2005

содержание

Слово главного редактора 3

ЭКОНОМИКА

Байнёв В. Ф. Эксплуатация как категория
новой политэкономии 5

Ельмеев В. Я. Трудовая теория — основа возрождения
политэкономической науки 23

Барановский С. И. Некоторые аспекты создания
интегрированных корпоративных
структур в промышленности 32

Иванова Е. И. Иностранные инвестиции
в Республике Беларусь 36

Шинхуа Д. О формировании рынка рабочей силы
в Китайской Народной Республике 43

ОБЩЕСТВО

Мельник В. А. Особенности национального характера
белорусов и их влияние
на политическую жизнь общества 51

Нарушевич К. Построим храм вместе 71

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Шиптенко С. А. Декабрьский мятеж 75

Дятлов С. А. Духовно-правственные основы
мировоззрения славянофилов 92

детей.
всту-
чувство
и ду-
к само-
ующий
душее.
ча!

ицкий

ЭКСПЛУАТАЦИЯ КАК КАТЕГОРИЯ НОВОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Байнёв Валерий Федорович

*доктор экономических наук,
профессор кафедры менеджмента БГУ*

Проблема эксплуатации человека человеком, генетически связанная с такими категориями из разряда общечеловеческих, как добро и зло, гуманизм, справедливость и т. п., на протяжении веков и даже тысячелетий являлась одной из самых злободневных, притягательных и в то же время одной из наиболее запретных тем. В любые времена и в любых странах об этой проблеме не принято говорить вслух, а если об эксплуатации речь все-таки ведется, то либо исключительно в прошедшем времени, либо применительно к иным странам и другим экономическим системам.

Необходимо отметить, что в качестве весьма эффективного средства первичного монтажа, а затем маскировки и оправдания механизма эксплуатации традиционно использовалась *идеология*. Так, например, идеология рабовладельца весьма оригинально отрицала наличие угнетения, объявляя раба не человеком, а вещью, говорящим орудием труда. А поскольку раб не является человеком, то ни о какой эксплуатации человека человеком говорить не приходится. Идеология помещиков заключалась в том, что эксплуатация крестьянина облекалась в форму некоего «взаимовыгодного» сотрудничества между ним и феодалом: последний, дескать, предоставляет землепашцу землю, за что тот «по-братски» делится с помещиком произведенной продукцией.

В завезенных к нам из-за океана учебниках по теории рынка, являющейся официальной идеологией современного рыночного капитализма, также нет ни единого слова об эксплуатации. В рамках данной концепции все субъекты рынка объявляются максимально свободными, причем каждый человек волен продавать (или не продавать) свои способности на рынке труда, а уж всемогущий (для некоторых — Всевышний) рынок в полном соответствии с законами спроса и предложения на данный вид производственных ресурсов автоматически установит равновесную и, следова-

тельно, предельно «справедливую» цену. Последнее обстоятельство, по мнению апологетов рыночной экономики, позволяет вести речь о рыночной идиллии (из программы 500 дней: «Рынок — это настоящее чудо») и навсегда снять с повестки дня проблемы, связанные с эксплуатацией.

Здесь очень важно заметить, что широко декларируемая ныне во всех переходных странах благородная цель «построения рыночной системы хозяйствования» на самом деле искусно маскирует другую, истинную и гораздо менее благообразную задачу рыночных реформ — возврат «взбунтовавшихся» стран в лоно капитализма, который, как известно, железной «невидимой рукой» беспощадно делит людей на собственников и наемников, богатых и бедных, баснословно богатых и совсем нищих. При этом следует отметить, что в условиях глобализации дифференцирующее действие этой пресловутой руки распространяется уже не только на отдельных индивидуумов, но и на народы, страны и целые континенты. Вот почему сегодня 10–20 стран, составляющих ядро «золотого миллиарда», процветают, в то время как остальные две сотни «незолотых» стран с населением более 5 млрд человек откровенно прозябают...

В отличие от большинства других научно-теоретических концепций и парадигм идеология марксизма не только активно использовала термин «эксплуатация», но и, на наш взгляд, исчерпывающе точно объяснила сущность этой категории применительно к ситуации, имевшей место в период времени до начала третьего тысячелетия. Апофеозом практического воплощения идей марксизма стала попытка построения общества, якобы сво-

бодного от эксплуатации. Исходной предпосылкой такого строительства явилось предположение о том, что если все вокруг (в том числе и сам продукт эксплуатации — прибыль, прибавочный продукт) принадлежит народу, то ни о каком экономическом угнетении речи идти не может.

Однако, несмотря на непопулярность и откровенное замалчивание (особенно в последнее время) проблемы эксплуатации, данное обстоятельство отнюдь не означает факта ее отсутствия. Наоборот, именно сейчас — после 2–3 десятилетий долгожданной относительно достойной жизни — для большинства населения государств-участников СНГ и некоторых других постсоциалистических стран в связи с поэтапным восстановлением господства рыночного капитализма в очередной раз настали экстремальные времена. Многие постсоветские страны воочию столкнулись с такими «завоеваниями победившего капитализма», как хронические кровопролитные войны, в десятки и сотни раз возросший уровень преступности и терроризма, возврат в регион спустя сотни лет работорговли, расцвет порно- и наркобизнеса, стремительная депопуляция и деградация населения, чудовищная дифференциация людей по имущественному признаку и т. д.

Вопреки всем заверениям апологетов и трансляторов великого учения о чудотворной силе «невидимой руки» рынка и рыночного капитализма, к которому та неизбежно ведет общество, ни одна из декларируемых социально-экономических целей длящихся уже почти 20 лет рыночных реформ до сих пор не достигнута — будь то рост благосостояния людей (реальная заработная плата снизилась

за годы реформ в 2–3 раза и до сих пор в разных странах СНГ составляет 30–60 % от дореформенного уровня), повышение производительности труда (уменьшилась в 1,5–3 раза), увеличение объема инвестиций в экономику (сократился в 3–5 раза) и т. д. и т. п. [1, с. 195–199; 13, с. 180]. Несмотря на изобилие продовольствия и других товаров там, где раньше наблюдался их дефицит, беспристрастная статистика свидетельствует о том, что «за годы реформ люди в среднем стали потреблять на 50 % меньше мяса, на 30 % меньше молочной продукции, зато водки стали потреблять больше в 6 раз» [информация программы «Момент истины», ТВЦ от 25 апреля 2004 г.].

Поскольку работник в любой стране СНГ (например, учитель, профессор, машинист локомотива, водитель троллейбуса и т. д.) за тот же самый по качеству и количеству труд сегодня получает в десятки и сотни раз меньшее вознаграждение, чем повсюду в индустриально развитом мире, то многие ученые, как и в начале прошлого века, громко заговорили о *«вопиющей социальной несправедливости и сверхэксплуатации»*, которые спустя 70–80 лет воцарились благодаря возрождающемуся рыночному капитализму. Так, известный российский академик Д. С. Львов в своем «Гражданском манифесте» (2003) открыто констатирует наличие на всем постсоветском пространстве вопиющей эксплуатации наемного труда, а некоторые ученые России вообще призывают к тому, что «пора прекратить сверхэксплуатацию 90 % населения страны в угоду 1–2 %» [9, с. 111].

Чтобы отвести все оправдания вышеописанного «экстрима» временными (кстати, длиющимися уже более 15

лет) трудностями переходного к рынку периода, рассмотрим проблемы эксплуатации на примере России, которая уже не является страной с переходной экономикой, поскольку ей в 2003 г. официально предоставлен столь желанный для других транзитивных экономик статус страны с рыночной экономикой. Более того, если учесть, что в России за годы реформ приватизировано всё и вся подряд и в настоящее время в этой стране осталось не более 3 % государственных предприятий, то с этой точки зрения Россия — не просто рыночная, а «самая рыночная страна» мира.

Так вот, сегодня в «самой рыночной стране», вышедшей в 2005 г. на второе (после США) место по количеству капиталистов-миллиардеров и по данному показателю едва не ставшей самой капиталистической экономикой планеты, официально насчитывается более 25 млн граждан (из них не менее 10 млн человек — работающие) с доходами ниже уровня прожиточного минимума, т. е. фактически нищих. По словам председателя Совета Федерации С. Миронова, «пресловутая “невидимая рука” рынка весьма основательно пошарила по карманам трудящихся, породив такое явление, как работающий нищий» [из интервью программе «Сегодня», НТВ 7 октября 2005 г.]. И действительно, согласно официальной статистике средняя заработная плата в России, исчисленная даже с учетом супервознаграждений особо «талантливых» менеджеров, в 1,5 раза ниже уровня дореформенных времен. По мнению же независимых экспертов, за годы рыночного «оздоровления» реальная заработная плата граждан России снизилась более чем в 2,5 раза [7, с. 17] и

в настоящее время за тот же самый по уровню интенсивности и квалификации труд россиянин получает вознаграждение в десятки, а во многих сферах и в сотни раз меньше, чем в других странах, как и Россия, входящих в «восьмерку» [11, с. 20].

При этом не выдерживает критики постоянно внушаемый нам и всему миру миф о том, что россияне, белорусы, украинцы и т. д. мало зарабатывают из-за того, что ленивы и плохо работают. Проблема лени или трудолюбия славянских народов, на наш взгляд, безвозвратно теряет актуальность при анализе следующего рыночного парадокса: ни в одной другой стране мира, которая гордится трудолюбием своего народа, наемный работник, честно отработав 8 часов на своего работодателя, не ездит на дачу, загородный участок или в деревню (на «фазенду»), чтобы, накормив своего работодателя, хоть как-то прокормить (!) себя и свою семью. Этот факт свидетельствует об исключительном трудолюбии белорусов, россиян, украинцев и т. д., которые зачастую работают даже в условиях хронической (месяцами и годами!) невыплаты заработной платы, не говоря уже о ее величине.

Что касается производительности этого труда, то простейшие расчеты показывают, что среднестатистический работник России или Беларуси *на каждую единицу заработной платы производит в 2–3 раза больше продукции, чем, например, его американский или итальянский коллега*, поскольку у нас среднелюдской валовой внутренний продукт (ВВП) меньше в 5–6 раз, а зарплата ниже в 15–20 раз [7, с. 17]. И действительно, если сейчас в развитых странах доля заработной платы в ВВП находится на уровне 70–

75 % [11, с. 20], то это означает, что среднестатистический работник любой из этих стран на каждую единицу заработка создает 1,3–1,4 единицы ВВП. В Беларуси картина совершенно иная, так как, например, в 2001 г. при ВВП, равном 16,9 трлн BYR, и суммарном фонде оплаты труда в 6,3 трлн BYR [10, с. 141, 304], отношение этих величин свидетельствовало о том, что среднестатистический белорус на каждую единицу заработка произвел 2,7 единицы ВВП. Данный пример убедительно доказывает, что измеренная таким образом эффективность использования трудовых ресурсов в Беларуси как минимум в 2 раза выше, чем в США, Италии, Дании и т. д.

Для России последний показатель оказывается еще «лучше». Согласно аналогичным расчетам академика Д. Львова, из-за беспрецедентной деинфляции рабочей силы «...на один доллар своей часовой зарплаты среднестатистический российский работник производит примерно в 3 раза больший ВВП, чем аналогичный американский... Такой высокой эксплуатации наемного труда не знает ни одна развитая экономика мира» [7, с. 17]. Поскольку россияне работают в 2–3 раза производительнее американцев, немцев, англичан и т. д., а получают в десятки и сотни раз меньше (т. е. работают, что называется, «за похлебку»), на наш взгляд, имеет смысл вести речь не только об эксплуатации, но и о порабощении народов России (и еще около сотни других стран мира, не относящихся к категории «развитых»). Эти и многие другие итоги рыночного «оздоровления» России (беспрецедентный вывоз из страны сырьевых ресурсов и выручки от их продажи, «утечка мозгов», предельная

криминализация экономики и общества, депопуляция и деградация населения) однозначно свидетельствуют о значительном усилении эксплуатации в связи с наступлением долгожданной и столь желанной для других переходных стран рыночной идиллии.

Кстати, не выдерживает критики утверждение о том, что описанные трудности, имеющие место в России, временные и обусловлены тем, что в этой стране до сих пор не построен здоровый, свободный, полноценный рыночный механизм, что там создан какой-то другой («дикий», «бюрократический», «криминальный», «олигархический» и т. п.) рынок. По здравому рассуждению приходится признать (для специалистов это вполне очевидно), что свободная рыночная система хозяйствования неизбежно ведет общество к постепенной монополизации национальной, а затем и мировой экономики, и, следовательно, именно рынок является предпосылкой и первопричиной возникновения олигархического капитализма, в который Россия уверенно шагнула, опередив на 20–50 лет другие народы и страны мира. В этом, кстати, вновь проявилась высшая степень инновационной активности российского народа, который в течение XX столетия успел пожить при царизме, социализме и даже при олигархическом капитализме...

Как это уже отмечалось, только основанная на трудовой теории стоимости марксистская идеология исчерпывающе точно, поистине с хирургической откровенностью и простотой раскрыла сущностные характеристики механизма эксплуатации человека человеком. По словам Маркса, его учение — это, бесспорно, самый страшный снаряд, который когда-либо

был пущен в голову эксплуататоров. Именно данное обстоятельство вызывает у отдельных социальных групп, заметно выигравших в результате грабительских реформ, наиболее неприемлимое отторжение марксизма и стремление навсегда вымарать и вырвать из научной литературы страницы, где говорится о столь неприятной экономической категории. Отнюдь неслучайно основной мишенью апологетов рыночного капитализма сделалась политэкономия, поскольку изучение вопросов, связанных с трудовыми отношениями, неизбежно высвечивает проблемы неравной оплаты за равный труд, эксплуатации и социальной несправедливости. Вот почему «выжигание каленым железом» и «клеймение позором» марксизма и его сторонников стало неотъемлемой частью идеологии «новых» этносов (русских, украинцев, белорусов и т. п.).

Согласно теории прибавочной стоимости Маркса, подавляющая масса человечества, лишенная права собственности на средства производства, вынуждена «добровольно» продавать свой труд гораздо все менее и менее многочисленным собственникам, которые, в конечном счете, устанавливают в «свободной» рыночной экономике все без исключения «правила игры». В полном соответствии с этими правилами наемник часть рабочего времени работает на себя и производит так называемый необходимый продукт, который возвращается ему в виде заработной платы. Другую часть времени он работает на собственника средств производства и производит прибавочный продукт, который составляет основу всех видов доходов капиталиста: прибыли, процентов, ренты и т. п. В итоге, с точки зрения

марксистской идеологии, часть трудовой энергии наемника присваивается владельцем капитала, выступающим таким образом в роли эксплуататора.

Применительно к условиям, когда доля ручного труда в производственных процессах была велика, учение о прибавочной стоимости, несомненно, весьма точно вскрывало сущность экономического угнетения одного человека другим. Однако очевидно и то, что применительно к условиям XXI в., в связи с бурным научно-техническим прогрессом (НТП), марксизм объективно теряет актуальность, поскольку наряду с беспрецедентным усовершенствованием технологий значительные изменения претерпевает и сам механизм эксплуатации. Эксплуатация, вступая вместе с цивилизацией в третье тысячелетие, переходит на качественно новый уровень, и главной ее особенностью в XXI-м и последующих веках, очевидно, будет тот факт, что впервые для эксплуатации человека вовсе необязательно ставить его к станку или сажать за рычаги комбайна. Оказывается, *человека можно эксплуатировать даже тогда, когда он вообще не работает (или делает вид, что работает) и при этом получает не-большое «социальное пособие» для поддержания жизни, нередко даже приобретающее форму заработной платы, дивидендов, процентов и т. п.* Об этом, на наш взгляд, достаточно красноречиво свидетельствуют такие факты, как снижение актуальности бывшей еще совсем недавно весьма острой борьбы работодателей и наемников по поводу увеличения (сокращения) длительности рабочего дня (недели), стабилизация и даже снижение рождаемости прежде всего в технологически развитых странах и т. п. Поскольку в

странах с рыночной экономикой наблюдается тенденция к введению новых и без того многочисленных праздников и их объединению в длящиеся неделями блоки нерабочих дней, то складывается впечатление, что современный капиталист в отличие от описываемой Марксом ситуации кровно заинтересован в том, чтобы люди как можно меньше работали...

Для объяснения и обоснования данной точки зрения на проблему эксплуатации необходимо обратиться к экономической концепции, предложенной рядом ученых Санкт-Петербургского государственного университета (В. Я. Ельмеев и др.). Данная концепция, именуемая трудовой теорией потребительной стоимости, может быть рассмотрена в качестве дополнения и развития идей Маркса в части, касающейся такой экономической категории, как потребительная стоимость, полезность [2].

Как известно, проблема количественного измерения потребительной стоимости (полезности), понимаемой в качестве способности удовлетворять потребности человека, в настоящее время еще не решена. Считается, что полезности разнородных предметов (например, пальто и самолета) принципиально несопоставимы и, следовательно, не могут быть объективно измерены. Однако, по крайней мере применительно к факторам производства (производственным ресурсам), эта задача с точки зрения трудовой теории потребительной стоимости оказывается вполне решаемой.

Рассмотрим следующий наглядный пример. Необходимо подготовить под посев (вспахать или вскопать) участок земли. Эту работу можно сделать тремя разными способами (рис. 1):

Рис. 1. Энергетические диаграммы подготовки земли под посев землекопом, пахарем и трактористом

- вручную с помощью лопаты за 2000 часов (труд землекопа);
- сохой с помощью впряженной лошади за 20 часов (труд пахаря);
- трактором с плугом за 2 часа (труд тракториста).

Приведенный пример доказывает, что по мере НТП доля физического труда работника (объективный фактор рабочей силы) стремительно уменьшается, а роль энергии интеллекта, воплощенного в орудиях труда и разумном поведении работника (субъективный фактор рабочей силы), неуклонно возрастает. С этих позиций полезность любого производственного ресурса объективно может быть определена объемом простого (физического, мускульного) труда, который замещается

в производственном процессе этим фактором производства. Так, трактор имеет большую полезность по сравнению с сохой и тем более с лопатой по той причине, что позволяет сэкономить, заместить гораздо больше простого (физического, мускульного) труда человека. Этот пример, а также исторический анализ развития науки и техники позволяют сделать вывод о том, что основным стратегическим направлением НТП, в конечном счете, является создание таких средств производства, которые все более и более вытесняли бы из производственных процессов физическую, мускульную энергию человека, заменяя ее энергией интеллекта. Возрастание роли субъективного фактора рабочей силы

за счет соответствующего снижения влияния объективного фактора — вот фундаментальный смысл механизации, автоматизации и информатизации производственных процессов, т. е. НТП и экономического развития в целом.

В то же время необходимо отметить, что замещение простого труда неизбежно связано с вовлечением в производственные процессы сторонних природных сил (в приведенном примере — мускульной энергии лошади, энергии тракторного топлива), которые собственно и замещают труд человека. В конечном счете, потребительная стоимость технических факторов производства объективно измеряется количеством природной энергии, вовлеченной с их помощью в производственные процессы и направленной на замещение простого труда человека.

О том, что в условиях НТП природная энергия становится по-настоящему главным экономическим реагентом, свидетельствуют факты резкого обострения борьбы (в том числе и вооруженной) технологически развитых государств за доступ к энергоресурсам. Масштабы вовлечения в производство природных сил и замена ими живого труда сегодня однозначно определяют не только научно-технический уровень, но и место любого государства в иерархии экономически развитых стран. Неслучайно наиболее развитые в технологическом отношении США все активнее интересуются проблемами соблюдения прав человека и установлением демократии исключительно в энергоизбыточных регионах.

Итак, стратегическим направлением НТП и развития мировой экономики в целом является возрастание объемов природных сил, вовлекаемых в производственные процессы и на-

правляемых на экономию, вытеснение из них живого труда человека. Цивилизация уверенно движется к тому, что *в технологиях не только физическая энергия рядового работника, но и его интеллектуальные способности в значительной мере будут замещены природными силами с помощью «разумных» машин*. В итоге благодаря НТП живой труд постепенно превращается из важнейшего фактора производства во второстепенный, а в далекой перспективе — вообще ненужный, лишний, чуждый экономике ресурс. Если еще полвека тому назад капиталист мог присваивать прибавочный продукт единственно возможным способом — путем масштабной эксплуатации живого труда наемных работников, — то в настоящее время процесс его стремительного обогащения весьма успешно протекает при минимальном участии наемного труда. Для этого оказывается вполне достаточно установить контроль над природными силами (энергетическими и сырьевыми ресурсами), которые с помощью техники уже сегодня весьма успешно замещают в производственных процессах миллионы человеко-часов простого труда наемных работников, создавая вместо них добавленную стоимость и прибыль капиталистов. *А поскольку природные силы принадлежат не отдельным людям, а нации в целом, то присвоение одними людьми долей природных ресурсов, принадлежащих другим людям, эквивалентно эксплуатации последних*. Если раньше под эксплуатацией предлагалось понимать процесс присвоения одним человеком результатов труда другого, то в современных условиях, связанных со все возрастающим вытеснением из производственных процессов живого труда

человека, под экономическим угнетением следует понимать несправедливое, непропорциональное владение в «общественный пирог» (с учетом как трудового участия, так и принадлежащей человеку, что называется, «от Бога» доли природных сил, вовлекаемых в производство) распределение прибыли.

Необходимо указать, что для поддержания стабильности и иллюзии социальной справедливости современные капиталисты даже предпочитают выплачивать вытесненным из экономики работникам минимальные «социальные пособия» на поддержание жизни (в том числе в виде заработной платы за демонстрацию экономической активности) и организовывать массовые развлечения в виде занятий принципиально неэффективным малым бизнесом, бесконечных сериалов и шоу по TV, бесчисленных религиозных организаций, спаивания населения и т. п. При этом механизм и принципы эксплуатации нового типа одинаковы во всех странах — различия заключаются лишь в величинах указанной «социальной помощи»: в богатых странах оно достаточно велико и позволяет более или менее безбедно существовать, зато в бедных — исчезающе мало.

Особенно отчетливо контуры эксплуатации XXI в. просматриваются в современной России. В то время как миллионы здоровых и трудолюбивых граждан делают вид, что трудятся или, наоборот, являются безработными, получая при этом незаработанное и, на первый взгляд, дармовое «социальное пособие» на жизнь, группа олигархов и представляемых ими западных мегакорпораций в погоне за сверхприбылью бесстыдно присваивает и эксплуатирует природные силы стра-

ны, которые принадлежат нации в целом. Так опосредованно, через эксплуатацию общенациональных недр осуществляется эксплуатация (а в перспективе — порабощение) миллионов и миллионов россиян, отстраненных от права распоряжаться своей долей природных ресурсов, вытесненных из экономики и тем самым обреченных на депопуляцию, устойчивая тенденция которой наблюдается именно в последние 10–15 лет рыночного «здоровления» экономики [6, с. 28].

Второй важнейшей особенностью эксплуатации XXI в. является *межэтнический характер*, что также наиболее отчетливо проявляется в «самой рыночной стране» мира. Для конструирования механизма эксплуатации данного вида и необходимого для достижения этой цели демонтажа государства «новые» этносы (в данном случае — «новые» русские) активно использовали неоклассическую идеологию, которая с ее маргинальным подходом и концепцией равновесия, по словам Хайека, превратила экономическую теорию «в разновидность чистой логики, набор самодостаточных предпосылок, которые, подобно математике или геометрии, не подлежат никакой иной проверке, кроме проверки на внутреннюю непротиворечивость» [цит. по: 12, с. 118]. В рамках безраздельно господствующей в переходных странах либерально-рыночной неоклассической парадигмы сущность экономического образования сводится к умению постигать мир забавных математических головоломок и красивых интеллектуальных игр — к постижению языка математики, а суть современной экономики — к идеологическому оправданию поступков и достоинств либерализма (из-

гнания государства из экономики. — В. Б.) вместо объяснения механизма функционирования реальной экономики» [12, с. 103]. В настоящее время в экономической теории «преобладает подход, базирующийся на формальных доказательствах теорем в рамках сугубо математических концепций, для которых характерно чрезмерное внимание к бессмысленным абстракциям и техническим моделям как объектам анализа, абсолютно оторванным от реальности» [12, с. 103]. В итоге, по словам М. Блауга, «мы превратили экономику в своеобразную разновидность социальной математики... Она выглядит как экономика, ... в которой ... все взаимосвязи математические, все выводы получены математически, и нет ни единой мысли о том, а имеют ли эти математические переменные, концепции, функциональные связи какое-либо отношение к реальному миру» [цит. по : 12, с. 117].

Разумеется, распространение этой новой, пришедшей на смену марксизму разновидности идеологической схоластики, ничуть не более близкой к реальности, чем старая советская политекономия, призванной окончательно «заморочить» головы в постсоветских странах, «связано с приходом в экономическую науку дилетантов (как правило, из числа специально «прикормленных», а затем командированных для пропаганды этой разрушительной идеологии математиков. — В. Б.), некомпетентность которых в вопросах реальной экономической жизни скрывается за ширмой владения теоретическими знаниями и стремлением придать авторитет своим изысканиям с помощью причудливого набора инструментов математического анализа» [12, с. 112]. За кажущейся

безобидностью преподаваемых ими привлекательных математических головоломок из жизни рынка скрывается огромная разрушительная сила последних: на свободном рынке, где взаимодействуют только спрос и предложение, нет места государству и общественным интересам, а «зримая рука» Президента, неукоснительно соблюдающая интересы белорусского народа, методологически вытесняется из сферы управления экономикой «невидимой рукой» рынка, стоящей на страже интересов крупного (значит, западного) капитала.

Кроме того, в то время пока основная масса населения под руководством переквалифицировавшихся в экономистов математиков с благоговением училась выговаривать новомодные термины из англо-американских экономических учебников («менеджмент», «маркетинг», «инвестиции», «маржинальный анализ» и т. д.) и дрожащей от волнения рукой школяра строить на бумаге кривые спроса и предложения, изокванты, изокосты и т. п., ведущими финансовыми силами мира адресно, главным образом под представителей «своих», наиболее способных к бизнесу этнических групп, были выделены ресурсы для приватизации энергетики, сырьевых отраслей и высокоэффективных предприятий. Пролоббированный этими же силами лозунг «Приватизация любой ценой» привел к тому, что предприятия приватизировались за бесценок, поскольку большинство населения России, предусмотрительно лишённое в 1992 г. своих и без того мизерных накоплений, оказалось отсечённым от этого процесса. По мнению, например, академика Н. Шмелева, «рыночная» цена российских активов искусственно за-

нижена в 20–60 раз, и собственность досталась новым хозяевам за 1,5–5 % их справедливой цены [11, с. 12]. Все это происходило при полном попустительстве государства, которое было вытеснено из сферы управления экономикой в процессе претворения в жизнь нового великого учения о «невидимой руке» рынка и рыночном капитализме. В итоге, граждане титульной для России национальности, которых, кстати, в стране более 82 %, поголовно превратились в бесправных наемников, в то время как 80 % наиболее эффективной собственности страны оказалось в руках иных этнических групп. Вот почему подавление и немедленное возведение в ранг национализма и даже фашизма любых мыслей, взглядов и убеждений, способных пробудить национальное самосознание и чувство национальной гордости у поработанных россиян, являются главными составными частями современной идеологии экономически доминирующих в России и мире этносов. С другой стороны, объективно существующая депопуляция (за годы рыночного «оздоровления» естественная убыль населения России составила 8 млн человек), главным образом русскоязычного населения [6, с. 27], позволила некоторым радикально настроенным политикам и экономистам наряду с понятием «рыночного фундаментализма» ввести в обращение такие термины, как «рыночный фашизм», «рыночный геноцид» и даже «рыночный анартеид русских» [9, с. 166; 13, с. 180].

Новоиспеченные собственники, отработавшая оказанное им доверие, а также предоставленные для приватизации и использованные для экономического порабощения народов России

зарубежные ссуды (почему-то именуемые долгожданными иностранными инвестициями), обеспечили масштабный экспорт в богатые страны как дешевого сырья и энергоресурсов, так и денежной выручки от их продажи. По разным оценкам, только нелегальный вывоз капитала из России за рубеж сегодня составляет 20–40 млрд долл. в год, а за весь период реформ — от 400 млрд до 1 трлн долл.

Отрихтованное по рецептам «экономикс» государство — «пичной сторож с монетаристской колотушкой» — не только не препятствует бегству капитала, но и под знаменем святого дела борьбы с инфляцией, быстро забыв про другую, еще совсем недавно бывший расхожим миф о необходимости привлечения животворящих иностранных инвестиций, само активно участвует в этом процессе, организовав легальный вывоз капитала в колоссальных масштабах. В частности, уже притчей во языцех стал огромный стабилизационный фонд, накопленный в России благодаря весьма благоприятной конъюнктуре на сырьевые ресурсы. Будучи помещенным в американские ценные бумаги с доходностью, не покрывающей уровень инфляции, этот фонд, по сути дела, представляет собой масштабные инвестиции в экономику США (извечное славянское «битый небитого везет»). Комментируя сложившуюся ситуацию 2 октября 2005 г., в интервью программе «Момент истины» (ТВЦ) член-корреспондент РАН С. Глазьев отмечал, что «правительство и Центральный банк Российской Федерации сознательно занимаются вывозом капитала в объеме до 12 % ВВП (около 60 млрд долл.) ежегодно, вкладывая их в обесценивающиеся американские ценные бума-

ги и доллары... Это безумие...». Действия руководства этой страны напоминают игру в поддавки, когда один игрок сознательно и услужливо сдает противнику (а в рыночной экономике мы все, как минимум, конкуренты) одну фигуру за другой...

Другим весьма негативным симптомом современного капитализма является то обстоятельство, что в настоящее время постепенно набирает силу процесс передачи (также за бесценок) некогда общенародной собственности истинным хозяевам начальных капиталов, использованных для ее приватизации. Вероятно, этим объясняется тот факт, что г-н М. Фридман, используя очередной расхожий миф о чудотворной силе иностранных инвестиций, умудрился в 2003 г. за 6 млрд долл. продать британской «Бритиш Петролеум» российскую Тюменскую нефтяную компанию, нефтяные запасы которой, по разным оценкам, составляют от 285 до 900 млрд долл. Совершенно очевидно, что столь активно критикуемые сегодня Западом процессы по «свертыванию демократии» в России, на самом деле, имеют целью спасти созданную многолетним трудом миллионов советских граждан многомиллиардную собственность от алчных притязаний западных мегакорпораций. Например, недавняя столь активная заинтересованность «политическим» делом «Юкоса» со стороны США, вероятно, объясняется стремлением американской компании «Шеврон Тексаско» сделать аналогичные «инвестиции» в активы и этого российского нефтяного гиганта.

Таких примеров множество, и все они позволяют вести речь не только о межэтническом, но и о *межгосударственном характере эксплуатации*,

когда благодаря бессовестно организованной системе международной торговли и финансов богатые страны за счет бедных делаются еще богаче, что, кстати, и позволяет выплачивать их гражданам более высокие «социальные пособия», упоминавшиеся выше. Идеология глобализации, позволяющая ведущим экономическим державам экспортировать в бедные регионы отрицательные внешние эффекты своей хозяйственной деятельности и в обмен на ощущение (а точнее, иллюзию) причастности к чему-то великому и глобальному получать доступ к их природным ресурсам и изымать в свою пользу созданную в развивающихся странах добавленную стоимость, также является важнейшим элементом механизма межэтнической и межгосударственной эксплуатации. Устойчивое социально-экономическое развитие, которое демонстрирует Республика Беларусь в столь непростых условиях беспрецедентного давления извне и обострившейся до предела международной конкуренции, объясняется исключительно прагматичной мудростью и прозорливостью ее высшего руководства, которое не позволило странам «золотого миллиарда» сконструировать и запустить в действие на территории Беларуси узлы и механизмы адской машины глобальной эксплуатации (глобализации), которая безжалостно обескровила уже не одну национальную экономику.

В основе большинства научных концепций, рассматривающих глобализацию (т. е. распространение либеральных рыночно-капиталистических принципов хозяйствования на весь мир) в качестве механизма глобальной эксплуатации периферии центром и, в конечном счете, интернациональным

капиталом — наемного труда, лежат представления о неэквивалентном обмене. Суть этих взглядов сводится к тому, что в условиях свободного рынка сделки, заключаемые его субъектами, эквивалентны только по субъективному основанию, но практически всегда неэквивалентны по энергетическому и сырьевому базису, что приводит к некомпенсируемому масштабному перемещению ограниченных материальных и энергетических ресурсов из бедных стран в богатые [об этом подробнее см.: 13, с. 536–545].

В итоге, в условиях планетарного рыночного либерализма ресурсы неизбежно сконцентрируются там, где их использование осуществляется максимально эффективно, т. е. под контролем гигантских западных мегакорпораций, способных реализовать колоссальный эффект от масштаба производства. Вот почему важным элементом навязываемой «пезолотым» странам либерально-рыночной идеологии является еще один миф о небывалой эффективности малого бизнеса, а также о жизненно важной для нас необходимости реструктуризации, разукрупнения, дробления (в идеале — уничтожения через приватизацию и банкротство) крупных предприятий и комплексов. В условиях, когда западные транснациональные компании (ТНК) и банки (ТНБ) имеют финансовые обороты в десятки и сотни раз больше, чем ВВП абсолютного большинства стран мира, всерьез вести речь об эффективности и конкурентоспособности малых форм хозяйствования могут либо наивные чудаки, либо люди, так или иначе заинтересованные в колонизации переходных стран западными мегакорпорациями.

Колонизаторскую сущность глоба-

лизации вполне возможно объяснить, используя закон выравнивания средней нормы прибыли на вложенный (авансированный) капитал. В соответствии с этим законом, в условиях беспрепятственного трансграничного перемещения капитала норма прибыли на каждую единицу вложенного (авансированного) капитала объективно выравнивается в масштабах всего глобализированного пространства. Используя на первый взгляд безобидные и правильные лозунги об основанной на теории сравнительных преимуществ эффективности международного разделения труда, проводники глобализации вовлекают в *совместное* производство конечной продукции разные страны. Однако при этом развитые страны концентрируют под своим контролем капиталоемкие производства, а на периферию «выталкивают» трудоемкие производственные процессы. В итоге, совместно заработанная прибыль распределяется так, как это изображено на рис. 2: капиталоемкие ($K \gg L$) производства присваивают «львиную долю» (90 %) совместно заработанной прибыли, а трудоемкие ($L \gg K$) довольствуются остатками (10 %) этой прибыли, несмотря на то что вложенные в общее дело ресурсы практически одинаковы (по 10 ед.).

Согласно приведенной схеме, малочисленный коллектив (L) предприятия А довольствуется 90 % совместно заработанной прибыли, а многочисленному коллективу ($9L$) предприятия В достается лишь 10 %. Таким образом становится вполне объяснимым обиденный, казалось бы, факт, что в странах «золотого миллиарда» среднестатистический работник получает за тот же самый по качеству и количеству труд в десятки раз боль-

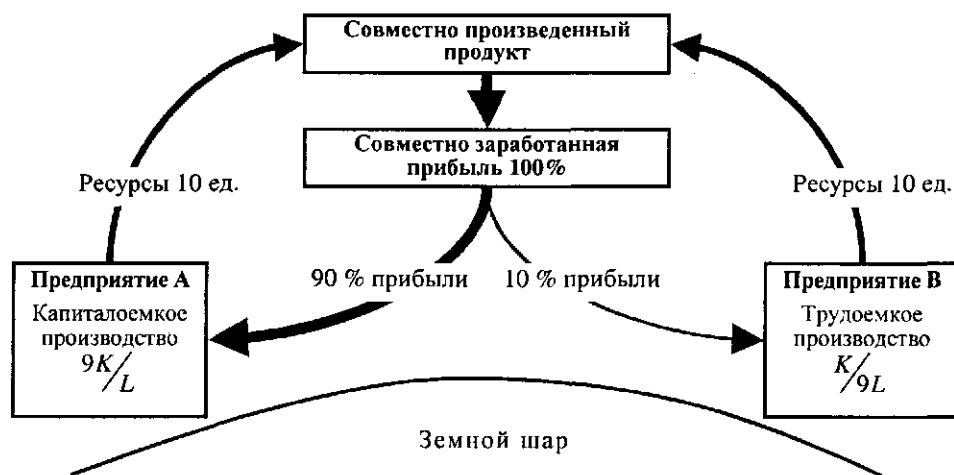

Рис. 2. Действие закона выравнивания нормы прибыли на вложенный капитал в условиях современной глобализации

ше, чем его «пезолотой» коллега. Парадоксальность ситуации заключается в том, что в сложившихся условиях не только капиталист, но даже и наемник предприятия А выступает в роли эксплуататора своего коллеги, работающего на другом конце Земного шара, что, строго говоря, разрушило интернациональное единство пролетариата, к которому в свое время призывали большевики.

Разумеется, если бы западный либерализм (как, впрочем, и вся западная идеология с псевдодемократическими ценностями) был свободен от болезни двойных стандартов, то все низкооплачиваемые работники предприятия В беспрепятственно переехали бы в страну, где функционирует предприятие А, и получили за свой труд достойную зарплату. В этом случае наряду с выравниванием нормы прибыли на вложенный капитал на планете неизбежно произошло бы и выравнивание часовой (удельной) заработной платы. Однако половинчатый

западный либерализм хотя и предполагает максимальную свободу международной торговли и движения капиталов, но в целях консервации региональной отсталости предусматривает жесткие ограничения на трансферт технологий и миграцию рабочей силы. Например, программа «EuroNews» 1 октября 2005 г. живописно повествовала о быстро растущем потоке нелегальных мигрантов в страны ЕС из развивающихся стран, в результате чего развитые страны вынуждены устанавливать «железный занавес» в прямом и переносном смысле этого термина. В частности, в названной телепередаче речь шла об увеличении в 2 раза высоты и без того шестиметрового приграничного железного забора, который перестал служить преградой на пути рвущихся в развитые страны переселенцев. Все это напоминает картины из жизни «осажденной крепости», поскольку, согласно утверждениям «Монд дипломатик», «всеобщая торговля вещами и слова-

ми, душой и телом, природой и культурой (то есть рыночная система. — В. Б.) ведет к углублению неравенства. В то время как мировое производство сельскохозяйственной продукции составляет 110 % потребностей человечества, ежегодно от голода умирают 30 млн человек, более 80 млн недоедают. В 1960 г. доход 20 % наиболее состоятельных людей планеты был в 30 раз выше, чем у 20 % самых бедных. Сегодня он в 82 раза больше! Из 6 млрд землян 500 млн живут в достатке, остальные 5,5 млрд — в нехватке. Мир переворачивается с ног на голову...» [цит. по: 5 с. 56].

Кстати говоря, на основе вышеописанных рассуждений (см. рис. 2) становится очевидным, что степень межгосударственной эксплуатации оказывается тем выше, чем больше разрыв в трансграничной мобильности капитала и рабочей силы. Опять-таки парадоксально, но это факт: приход в развивающиеся страны высоких информационных технологий (интернета, е-бизнеса, е-банкинга и т. п.), вопреки бытующему мнению, способствует многократному усилению межгосударственной эксплуатации, поскольку увеличивает степень разрыва между мобильностью капитала и товаров, с одной стороны, и рабочей силы — с другой. Вот почему миллиардер-«филантроп» Дж. Сорос на заре построения рыночного капитализма в переходных странах столь активно спонсировал развитие информационных технологий. Да и сегодня в кровных интересах Запада — поощрять в переходных и развивающихся странах развитие отнюдь не высокотехнологичных и наукоемких производств, а интернет-модернизацию сферы обмена, которая позволяет развитым странам,

словно карточным шулерам, выкачивать в центр созданную на периферии добавленную стоимость.

Другой весьма важный вывод, который следует из приведенных выше рассуждений, заключается в том, что глобализация неизбежно ведет к воплощению в жизнь большевистского лозунга «Пролетарии всех стран — соединяйтесь!». Дело в том, что сложившееся ныне положение вещей, когда наемники из стран «золотого миллиарда» выступают в роли эксплуататоров работников, проживающих в остальном мире, неизбежно будет разрушено. Уже сегодня можно наблюдать обострение противостояния между капиталистами и наемниками в Германии, Франции, Испании и т. д. Дело в том, что 10–20 лет тому назад профсоюзы под угрозой забастовок имели возможность принудить работодателей не понижать, а то и повышать заработную плату наемников. Сегодня же, благодаря глобализации, профсоюзы теряют этот рычаг воздействия на капиталистов, поскольку последние вследствие высокой мобильности капиталов имеют возможность беспрепятственно переносить производство и предприятия из одних стран в другие. В этих условиях угроза забастовок становится неактуальной, и поэтому капиталисты повели широкое массированное наступление на права рабочих даже в развитых странах мира. Все это однозначно приведет к тому, что в недалеком будущем уровни заработной платы выровняются, наемники из разных стран перестанут эксплуатировать друг друга и неизбежно придут к единению в борьбе с их извечным врагом — международным капиталом. Тут есть над чем задуматься господам-капиталистам!

В переходных и развивающихся странах постепенно начинают осознавать, что навязанное им мифотворчество (идеология) о чудотворной силе «невидимой руки» рынка, иностранных инвестиций, рыночного капитализма и либерализма — есть важнейший фактор колонизации и порабощения. Для иллюстрации этого вывода уместен следующий наглядный пример: если в условиях либерального рынка у двухсот человек (стран) в наличии всего лишь по 1 доллару, а у одного-двух их «коллег» — по 10 млрд долл., то это означает не просто конец честной конкуренции и демократии; это равносильно порабощению большинства меньшинством, что, собственно, и отражает глубинную сущность и цель западных псевдодемократических и псевдолиберальных ценностей. Отнюдь неслучайно сегодня многие ученые, интеллигенция, ООН всерьез озабочены распространением на планете рыночной диктатуры и капиталистического тоталитаризма, в развитии которых «особенно важную роль играют деньги, поскольку они могут подрывать устои демократических институтов на любом уровне: и парламентскую практику, и функционирование судебной и исполнительной власти... они обращают неравную экономическую силу в неравное политическое преимущество и подрывают демократический принцип «один человек — один голос»» [4, с. 137].

В научной среде переходных и развивающихся стран также быстро растет осознание проблем, обозначенных в предыдущем абзаце статьи. Так, аргентинский экономист Р. Пребиш, долгое время занимавший пост генерального секретаря ЮНКТАД, на основе эмпирического материала рас-

сматривает международную торговлю как особый, искусно организованный основными владельцами мировых капиталов механизм изъятия доходов из периферии в центр — от развивающихся стран в развитые [8, с. 113].

Фундаментальное теоретическое обоснование концепция неэквивалентного обмена получила в трудах французского экономиста А. Эммануэля, который пришел к выводу, что основой благосостояния западной цивилизации и, соответственно, бедственного положения стран «третьего мира» выступает регулярное присвоение богатыми странами добавленной стоимости, создаваемой на периферии [8 с. 114—116]. Особое внимание в его работах уделено раскрытию механизма изъятия и присвоения продукта, производимого в развивающихся странах. Основой указанного механизма, по его мнению, является международная мобильность капитала и искусственно созданные развитыми странами институциональные барьеры на пути междоународной миграции рабочей силы. В результате этого в мировой экономике выравниваются нормы прибыли на вложенный капитал и создаются целые регионы со стабильно низкой заработной платой. Так, по оценкам А. Эммануэля, средняя заработная плата за тот же самый труд в развивающихся странах в 30 раз ниже, чем в развитых, причем поправка на интенсивность и квалификацию труда сокращает этот разрыв до 15 раз. Согласно концепции этого ученого, искусственно поддерживаемая на низком уровне заработная плата является источником неэквивалентного обмена и обогащения стран Запада за счет бедных регионов планеты и, соответственно, кризисных процессов в жес-

токо эксплуатируемых странах «третьего мира».

Дальнейшее совершенствование теория кризисного развития периферийных стран получила в трудах С. Амина, Ш. Миншале, Ф. Айдало и др., которые склонны видеть причины кризисов переходных стран в деятельности транснациональных корпораций (ТНК) [8 с. 116–120]. По их мнению, в то время как неоклассические рецепты «экономикс» навязывают нам дезинтеграцию приватизируемых предприятий и народнохозяйственных комплексов под благовидным предлогом создания конкурентной среды и воспевают преимущества малых форм бизнеса, международный рынок давно уже монополизирован безраздельно господствующими в мировой экономике ТНК, с которыми вряд ли в состоянии конкурировать индивидуальные предприниматели, кооперативы и малые предприятия. Закономерный итог таких рыночных реформ — неконкурентоспособность отечественных предприятий, спад объемов производства, социально-экономический кризис, экономическое порабощение.

Окончательное оформление идея кризисного периферийного развития получила в концепции мир экономики И. Валлерстайна, который возложил вину за отсталость государств «третьего мира» на обеспечившие себе чрезмерный уровень потребления страны «золотого миллиарда» [8, с. 120–122]. По его мнению, именно «высокоразвитые страны первого эшелона так руководят системой мирового хозяйства, что отсталые просто обречены оставаться отсталыми: их сырьевые ресурсы покупают по заниженным ценам, а продают им продукты высоких технологий — по завышен-

ным; их не допускают к передовым технологиям; из них выкачивают не только капиталы, но даже и «мозги». Одним словом «аристократы» первого эшелона не только не намерены подавать руку помощи тем, кто пытается их догнать, но, наоборот, «бьют по рукам» тех, кто пытается ухватиться за поручни этого передового экспресса» [8, с. 121].

Все это, на наш взгляд, убедительно доказывает, что сегодня проблема эксплуатации актуальна как никогда, поскольку сейчас она сопоставима с задачами выживания целых народов и государств. И хотя обозначение проблемы еще не означает ее решения, замалчивание этого вопроса также недопустимо, поскольку оно таит в себе прямую угрозу национальной безопасности целого ряда государств и народов. В числе же самых первоочередных мер необходимо сделать следующее. Прежде всего, на всем постсоветском пространстве необходимо решительно отказаться от повсеместной трансляции так называемого неоклассического «мейнстрима» — навязанной Западом рыночно-капиталистической идеологии, нацеленной на колонизацию и порабощение бедных стран богатыми державами.

Во-вторых, необходимо возродить и вернуть в учебные программы вузов политэкономия, которая, будучи основанной на трудовом подходе, провозглашает труд в качестве основного источника и меры богатства и тем самым развенчивает лукаво объявленную «локомотивом экономики» сферу обращения, где новой стоимости вообще не создается [5]. Учитывая, что в наши дни ежедневные биржевые спекуляции валютой, акциями и прочими ценными бумагами общим объемом

Байнёв В. Ф.

более 1,5 трлн долл. в 30–40 раз превышают реальные товарные потоки, есть все основания считать, что воспеваемая в западных учебниках рыночная сфера обращения — это тот самый спекулятивный «лохотрон», посредством которого «просвещенный» Запад эксплуатирует большинство населения не относящихся к «золотому миллиарду» стран [об этом подробнее см. в: 3].

В-третьих, необходимо в экстренном порядке сконцентрировать усилия ведущих ученых-экономистов переходных и развивающихся стран на выработку новой, отвечающей интересам населяющих эти страны народов, экономической научно-образовательной парадигмы, которая учитывала бы далеко перыпчные реалии современного интернационально-олигархического капитализма и его глобальной диктатуры. Это, наконец, дало бы возможность грамотно отстаивать наши интересы, что в условиях резкого обострения международной конкуренции за ограниченные ресурсы, неумолимо перерастающей в вооруженную борьбу, обеспечит нам некоторые шансы на элементарное выживание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев С. Ю. *Набат. Не говорите потом, будто вы его не слышали!* М., 2002.
2. Байнёв В. Ф. *Полезностная парадигма социально-экономических наук как важнейший этап реконструкции знаний XX в. и методологическая основа интеграционных процессов в современной науке* // UNIVERSITAS: Наука в контексте современной культуры: Междисциплинарный сборник научных трудов ученых СПбГУ. СПб., 2001. С. 301–314.
3. Байнёв В. Ф., Силлюк Т. С. *Современные теоретические представления о природе и причинах финансово-биржевых кризисов* // Финансы, учет, аудит. 2004. № 9. С. 61–64.
4. *Глобальный отчет о человеческом развитии за 2002 г.* // Белорусский экономический журнал. 2003. № 1. С. 131–140.
5. Ельмеев В. Я. *Трудовая основа политики* // Труд и социальные отношения. 2005. № 2 (30). С. 55–58.
6. Львов Д. С. *Будущее России: гражданский манифест* // Белорусский экономический журнал. 2003. № 3. С. 18–31.
7. Львов Д. С. *Будущее России: гражданский манифест* // Белорусский экономический журнал. 2003. № 4. С. 15–30.
8. Нуреев Р. М. *Экономика развития: модели становления рыночной экономики*. Учеб. пособие. М., 2001.
9. *Россия перед лицом глобализации*. М., 2004.
10. *Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2002* (Стат. сб.). Минстат Республики Беларусь. Мн., 2002.
11. Шмелев Н. П. *Некоторые ключевые российские вопросы, ответа на которые пока нет* // Стратегия выбора, выбор стратегии: Материалы науч. конф. М., 2003. С. 10–22.
12. Тумилович М. *Формализм, экономическое образование и экономическая наука* // ЭКОВЕСТ. 2003. №1. Вып. 3. 2003. С. 102–123.
13. *Экономический рост и вектор развития современной России*. М., 2004.